

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОСЕМАНТИКИ В ГОВОРАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Н. А. КУЛАКОВА,

*кандидат филологических наук, доцент кафедры мордовских языков
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Современная языковая ситуация характеризуется изменчивостью. Интенсивное и многогранное развитие человеческой деятельности и безвозвратная утрата многих культурно значимых понятий, явлений находят отражение в языке.

Изучение языковой личности носителя диалекта важно для сохранения прошлого, которое предстает как опора для настоящего и будущего языка. «В языковом материале, унаследованном от старших поколений, заложены в виде возможностей и линии речевого поведения будущих поколений, наследников этого сокровища», – отмечал Л. В. Щерба [9, 136].

Диалектная фразеология, или, в «более узком и дифференцирующем значении», «народная фразеология», по определению Б. А. Ларина, есть «та часть богатейшей фразеологии национального языка, которая и создается и живет в речи народных масс» [7, 150].

В настоящее время диалектная фразеология исследуется с разных сторон: изучаются особенности фразеологической синонимии и вариантности в говорах, анализируются структурно-грамматические свойства фразеологизмов, определяется их компонентный состав, рассматриваются вопросы фразеологической деривации и т. д. Многие исследования показывают, что диалектные фразеологизмы имеют большие запасы, обладающие характерными чертами. Структура русских диалектных фразеологизмов с финно-угорскими вкраплениями анализировалась в работе Б. Ф. Захарова [3]. Диалектная фразеология становилась объектом научного интереса Э. Н. Акимовой,

В. Л. Акимова [1]. Однако в данной отрасли языкознания остается еще много неизученного.

Одной из важных сторон исследования национального языка является изучение фразеологии, в частности диалектной фразеологии мокшанских народных говоров Республики Мордовия. Хотя разговоры мокшанского языка значительно изменились, в речи мордвы-мокши еще широко употребляются диалектные фразеологизмы.

В последние годы вышло довольно большое количество работ, посвященных вопросам фразеологии мордовских языков, однако диалектная фразеология мокшанского языка объектом исследования пока не выступала. Между тем ареальное изучение говоров исторически и географически обусловленной территории Республики Мордовия раскрывает специфику национальной культуры, факты взаимопроникновения мокшанской диалектной фразеологии, влекущие за собой своеобразие семантического развития лексики. Как известно, диалектные фразеологизмы являются показателем состояния языка в прошлом и настоящем. Их сохранение и изучение в мокшанских говорах – главная задача мордовского языкознания, решение которой предполагает выявление особенностей диалектной речи, ее экспрессивных возможностей и культурного потенциала. Анализ проблем диалектологии помогает отчасти осмыслить проблемы истории мокшанского языка и современного процесса обогащения фразеологическими единицами его литературного варианта.

© Кулакова Н. А., 2016

Таким образом, актуальность исследования диалектной фразеологии говоров мокшанского языка определяется тем, что диалектный фразеологический состав данного языка не привлекал внимание мордовских исследователей, тогда как моделирование диалектных фразеологизмов диалектоносителями может и должно глубже раскрыть национальную специфику мокшанского языка. Еще одной актуальной задачей, по мнению С. М. Беляковой, является «объединение в ходе исследования языковых фактов разных диалектов», что позволит воссоздать единую картину, отражающую основные черты народного мировоззрения [2].

Цель настоящей статьи заключается в описании лексико-семантических особенностей и фразеосемантических групп мокшанской диалектной фразеологии. Источником послужили материалы, собранные автором в ходе бесед с носителями мокшанского языка, а также из текстов, опубликованных в научно-популярном журнале «Мокша», в рубрике «Валгяркс».

Родоначалником мордовской фразеологии можно назвать Р. С. Ширманкину [8]. Частотность употребления глагольных фразеологических единиц в мокшанском языке была рассмотрена Н. А. Кулаковой [5]. По семантическому и морфологическому принципу фразеологизмы были представлены во «Фразеологическом словаре мокшанского языка» Н. А. Кулаковой и В. Ф. Рогожиной [6].

Семантические и структурно-семантические связи слов отражают актуальные для человека отношения между предметами и явлениями действительности, ее реальными и идеальными объектами. На наш взгляд, правомерно рассматривать фразеосемантические группы, которые представляют собой комплексные единицы языка, как лингвистическое явление: язык отражает не только связи языка с действительностью, но и отношения языка и сознания. По мнению В. Ю. Краевой, для описания диалектного материала применение «метода семантического поля» оправдано тем,

что одним из комплексных свойств поля выступает его специфичность в разных языках [4].

В данной статье дается характеристика некоторых фразеосемантических тематических групп фразеологии мокшанских говоров, которые нам удалось установить на основе анализа собранного материала. В мокшанском языке их объединяет общий компонент значения, связанный с человеком. С учетом специфики исследуемого говора и специфики материала были выделены наиболее продуктивные тематические группы: а) физические качества человека; б) внутренние качества человека; в) деятельность человека; г) человек в мире людей; д) человек в мире вещей; е) человек во времени и пространстве; ж) человек, животный мир и природа. Рассмотрим каждую из указанных групп:

а) **физические качества человека.** В данную группу входят значения, определяющие физические качества человека, такие, как нерасторопность, постоянство/непостоянство, напористость, выносливость и др. Например:

аф кши аф копша – аф кшы аф копша ‘нерасторопный, медлительный’: [мэз’эн’д’и тага с’яв’эз’ т’я аф ки ы аф копшат’ т’иши марам//вов//вов н’и пиз’эм туй//а мин’ аф кэн’эр’т’яма марамс капас//] (с. Адашево). «Зачем взял с собой этого нерасторопного (букв.: не хлеб, не каравай): вот, вот уже дождь пойдет, а мы не успеем собрать в стог»;

варма меленця – варма м’эл’эн’ц’я ‘непостоянный в своих делах (словах)’: [кор’таф’ъл’ просакан’д’и/шито’б’ аф’ъл’ аз’энд’ кин’д’ив’эк т’я’н’ кол’г’а сон /варма мэл’эн’ц’я’с’/лас’фн’эз’э н’и вэл’ят’ кэл’эс//] (с. Алькино). «Говорили тете Прасковье, чтобы не говорила никому об этом, а она, непостоянная в своих словах (букв.: ветряная мельница), разнесла по всей деревне»;

ведень-толонь пачк ётамс – вэд’эн’/тол’н’ пачк йотамс ‘не останавливаться ни перед чем; быть напористым’: [вас’ил’ий питрович вэд’эн’/тол’н’ пачк йотас’/но клуп’с’ кийакс’т’ нэт’фт’эз’э//] (с. Мамалаево). «Василий Петрович не

остановился ни перед чем (букв.: прошел сквозь воду-огонь), но в клубе пол заставил отремонтировать»;

торгашань алаша – торгашан' алаша 'о часто кушающем/постоянно жующем (по отношению к человеку)' [Мокша. 2001. № 4]: [*вас'окс'/торгашан' алашас'/аф пэл'и вачашыда/сон' кăскавн'ăснндзъ най мез'ь/бьд'и ул'и/рахс'ьс'т' ц'ора йалгандз'ь/*] (с. Пшенево). «Василий, постоянно жующий (букв.: лошадь торгаша), не боится голода, в его мешке всегда что-нибудь есть, – смеялись друзья»;

кшнинь снав – кшн'ин' снав 'крепкий, но не высокий (по отношению к человеку)' [Мокша. 2001. № 11]: [*вов н'ăйсас' т'/цчаказ'ьн' мир'д'ьц/кин'ин' снавс'/маслан'цян' шыста сацы столбат' пр'ăст'ь ат'акшт'ь/*] (с. Пшенево). «Вот увидите, муж тети, крепкий (букв.: железный горох) на Масленицу достанет с верхушки столба петуха»;

тувонь пурхц – тувън' пур'хц 'слишком проворный (о ребенке)' [Мокша. 2001. № 4]: [*ван'кан' ц'оран'ац тувън' пур'хц/с'эмбъ васт'ьва ул'ьмс кэн'ьр'и/*] (с. Пшенево). «Сын Ивана слишком проворный (букв.: поросенок свиньи), во всех местах успевает побывать»;

сыконц таргамс – сыкнц таргамс 'заставлять много работать кого-л.': [*фйодьр с'ăвъз'ь ц'ораз'ьн' вир'и/т'ан'и сыкнц таргасы работат' алу/*] (с. Адашево). «Федор взял моего сына в лес, теперь заставит непосильно много работать (букв.: до последнего вздоха)»;

пинекс шавомань – пин'ькс шавъман' 'заставлять много делать что-л.': [*цчаказ'ь ошт' марн'ьк шарфт'ьз'ь кăд'ст'ьн'/пин'ькс шавъман'/ил'ăд'ьн'д'и пил'гън'ьн' лан'с аф с'т'аван/*] (с. Адашево). «Тетя заставила много ходить по городу, непосильно много (букв.: как побитая собака), к вечеру на ноги не могла встать»;

потмосон лаз ямкс аш – потмъсн лаз йамкс аш 'сильно проголодаться': [*шын'бэр'ф кагътн'ьн' йотксъ покод'ьмст'ь афи л'ăд' мъл'ьзън'/што потмъсн лаз йамкс аш/*] (с. Мамалаево). «Целый день работая, не вспомнил даже, что сильно

проголодался (букв.: внутри треснутого пшена нет)»;

ой, си кедне – ой с'и кэд'н'ь 'очень маленький': [*сон'ц' ой/с'и кэд'н'ь ашчи//а кода т'ур'и ат'окиъкс пр'анц вăцы//*] (с. Зайцево). «Сам очень маленький (букв.: ой, кожа вши), а как драчливый петух себя ведет»;

б) внутренние качества человека. В мокшанском языке в диалектных фразеологизмах широко представлены как положительные, так и отрицательные качества человека. Например:

анелька куцю – ан'ъл'ка куц'у 'избалованный': [*л'энат' ц'оран'ац/миша/ан'ъл'ка куц'у/най кат'и/мэз'ь т'ăд'анц кăц'т'ь анай/*] (с. Пшенево). «У Лены сынишка, Миша, избалованный (букв.: ложка избалованного), все что-то у мамы просит»;

керхт сыземс – к'эр'хт с'ăз'ьмс 'быть убежденным в собственном мнении': [*н'инас' с'эмбън' мъл'снън эс'т'эйндзъ шарфцын'ь/н'ăйъви/кэр'т с'ăз'и/*] (с. Адашево). «Нина на себя обращает внимание: видно, убеждена в своем мнении (букв.: лыко рвет)»;

лаказевомс кяжса – лаказ'ьвъмс кăжс'ь 'сильно разозлиться': [*кодак лаказ'ьви потмъснзъ кăжс'ь вэл'ьн' старастат'и сон азъзъ с'эмбът'/мэз'с' с'ашкавъ кăжсыйафт'ьз'ь/*] (с. Адашево). «Как только сильно разозлился (букв.: закипел злостью) сельский староста, он высказал все, что его вывело из себя»;

топафтомс крга видева – топафт'ьмс кьрга вид'ьва 'достать': [*мар'ă бабан' ц'орац топафт'ьман' кьрга вид'ьва//с'ăда тов мар'т'ьндзъ аш н'и вий'ьз'ь эр'амс//*] (с. Адашево). «Сын бабы Марии достал уже (букв.: насытил по горло), дальше нет сил уже с ним жить»;

в) деятельность человека. В мокшанском языке и его говорах большое значение придается деятельности человека. С пренебрежением относились к людям и осмеивались лентяи, тунеядцы, неумехи. Например:

амка-тюмка / лима-сюна – амка'/т'умка/лима/с'унъ 'ни к чему не годный' [Мокша. 2001. № 1]: [*варас' т'эйн'ьк аф*

эр'ави эр'в'ән'ән'д'и/сон амка/т'умкь// [Мокша. 2001. № 8]. «Варвара нам не нужна невесткой, она ни к чему не годная (букв.: ни то ни сё)»;

ципонь-цяп / алы-бълы – *цыпън'/ц'ап / алы/бълы* – ‘так себе, еле-еле’ [Мокша. 2001. № 1]: [*районцът оц'ун'ят'н'эн' самъзъст/мър'гън' вэра бабат'и иштамс/нардамс/сэл'савэтън' кийакст'/ишаз'ъ алы/бълы//*] [Мокша. 2001. № 8]. «До приезда начальства из района сказал бабе Вере помыть пол в сельсовете, помыла так себе (букв.: еле-еле)». В этом же значении широко употребляется диалектный фразеологизм **уром-баром** – *уръм/баръм* ‘так себе (делать что-л.)’ [Мокша. 2001. № 1]: [*тан'ят'и тядяц мър'кц' иштамс кийакст'/ишаз'ъ, уръм/баръм/и лас'къз' ул'ц'ав//*] (с. Адашево). «Татьяне мама велела помыть пол – помыла так себе (букв.: еле-еле) и бегом на улицу»;

сеендемс сиде сюрхемса – *с'эйън'д'ъмс с'ид'ъ с'ур'х'ц'ъмсь* ‘много требовать от кого-л. что-л.; сильно ругать кого-л.’ [Мокша. 2001. № 1]: [*т'эр'н'ъман' пр'ъц'ъдат'ъл'с' сэл'савэту/с'эйън'д'ъмман' с'ид'ъ с'юр'х'ц'ъмсь//*] (с. Мамалаево). «Вызывал председатель сельсовета, сильно отругал (букв.: расчесал частым гребнем)»;

алы-бълы копша – *алы/бълы копша* ‘о плохо выполненной работе’ [Мокша. 2001. № 7]: [*колхозън' бр'игадирс' пуръмкссъ азъз'ъ/што омбъц'ъ бр'игадас' т'эвснън тийъз' алы/бълы копшакс//*] (с. Адашево). «Колхозный бригадир на собрании сказал, что вторая бригада свою работу выполнила плохо (букв.: еле-еле каравай)»;

г) **человек в мире людей**. В жизни мордвы-мокши, в общении между собой большое значение имеет мнение других людей. Часто именно на его основе строятся взгляды на окружающий мир. Например:

модат-нархт сейхтемс – *модат/нарх'т с'эй'т'ъмс* ‘сильно злиться или переживать’ [Мокша. 2001. № 1]: [*т'ән'и фйодър питрович модат/нарх'т с'эй'т'и/мес ис'ак вал'тъз' пр'иц'ъ дат'ъл' васц'тъндзъ//*] (с. Пшенево). «Теперь Федор Петрович

сильно злится (букв.: земли-травы чешет), почему вчера его сняли с должности председателя»;

пула пети путомс – *пула п'эт'и путъмс* ‘совсем не считаться, в грош не ставить’: [*мар'я щчаказ'ъ мир'д'ънц' пуль пет'и путн'ъсы//*] (с. Адашево). «Тетя Мария со своим мужем совсем не считается (букв.: на конец хвоста ставит)»;

кодгемонь котувоксть азондыне – *кодг'эмън' котувъкст'т' азъндын'ъ* ‘говорить много раз’: [*микиш ат'ән'д'и кодгэмън' котувъкст' н'и азъндын'ъ унъкънц' куръкст' саманц' колгъ/а сон с'акън' содай/тага киз'ъфцы//*] (с. Промзино). «Деду Никите говорила много раз (букв.: шестьдесят шесть раз говорила) о скором прибытии внука, а он свое знает, опять спросит»;

пакаръ повсь кургозост – *пакар' повс'* кургъзъст ‘найти тему для разговора’: [*аватн'ън' повс' кургъзъст пакар'/ан'ц'ък с'акън' и содай'т'/кор'тафцыз' вера дай-аркат'//*] (с. Адашево, с. Старый Кулдым). «Женщины нашли тему для разговора (букв.: кость попала в рот), только и знают, осуждают доярку Веру»;

арамс пинень курге пакаренди – *арамс п'ин'ън' курге пакар'ън'д'и* ‘стать местом для разговоров’ [Мокша. 2001. № 1]: [*с'ветат' тийъз' т'ән'и пин'ън' курге пакар'ън'д'и марн'ък вэл'т'и//*] (с. Адашево). «Света теперь стала темой для разговора (букв.: стала собаке во рту костью) всей деревни»;

д) **человек в мире вещей**. С давних времен носители мокшанского языка свою жизнь неразрывно связывали с миром вещей, образно ассоциируя себя и свои действия с конкретными предметами. Например:

тя копечнай тев – *т'я капейчнай т'эв* ‘нет ничего, выполнить можно легко что-л. (дело)’: [*нэт'ят'и т'я капейчнай т'эв//мър'кц' ван'яс'//*] (с. Мамалаево). «Для Пети это нет ничего (букв.: это копеечное дело), – сказал Ваня»;

тевоц/вастоц сор уголонь тьялме – *т'эвц/вастъц сор угълън' т'ял'м'ъ* ‘ничего не значащий (о деле, месте кого-л.)’: [*фэд'ят' вал' тъз' васц'тъндзъ/т'ән'и сон'*

т'эвџ сор угълън' т'а́л'мъ// [Мокша. 2001. № 1]. «Федора сняли с должности, теперь он совсем ничего не значит (букв.: его место в углу веник)»;

е) **человек во времени и пространстве**. Мокшанский народ понятия времени и пространства ассоциирует с конкретными явлениями, с протяженностью отрезка времени и пространства. Ожидание может быть коротким, долгим либо действие может никогда не произойти. Например:

манань загавнять – манан' загавн'ан' 'давно': [*манан' загавн'ят' сас'т'//*] (с. Алькино, с. Пшенево). «Пришли в позпрошлый пост (букв.: в дальнее заговенье)»;

тотань манать/манамба – тотан' манат'/манамбъ 'очень давно': [*тотан' манат' т'евс' ул'с'//*] (с. Алькино, с. Пшенево). «Дело было очень давно (букв.: давным давно)»;

авалдонь пингонь – авалдън' пин'гън' 'очень давний, давнишний, старинный': [*ул'ма/лавкасъ прадуктат'н'ъ авалдън' пин'гън'//*] (с. Алькино, с. Зайцево, с. Пшенево). «Наверное, в магазине продукты очень давние (букв.: древнего времени)»;

Адамонь пингонне – адамън' пин'гън' 'очень давний, давнишний, старинный, древний': [*адамън' пин'гън' т'а́ ломан'т' ичамъндзъ//*] (с. Алькино, с. Пшенево). «У этого человека одежда очень давняя (букв.: со времени Адама)»;

ваз нарама ковть – ваз нарамъ ковт' 'никогда': [*учт/панцы парцън' ваз нарама ков т'//*] (с. Адашево, с. Мамалаево, с. Старый Кулдым). «Жди, никогда не отблагодаришь (букв.: в месяц стрижки телят)»;

Тюштянь пингонь – т'ушт'ан' п'ин'гън' 'давний, древний': [*а мээ'ъ тон йорат//вэл'ъсъ бабас' шачс'/касс'/ошу афи сашънц'//с'ир'гън'а́ н'и//т'ушт'ан' пин'гън' ломан'//*] (с. Алькино). «А что ты хочешь? В деревне бабушка родилась-выросла, в город не приезжала. Старенькая уже. Древний человек (букв.: со времени Тюшти)»;

ж) **человек, животный мир и природа**. Для носителей мокшанского языка при характеристике определенных ка-

честв человека свойственно сравнение с животным миром. Например:

канда алдонь шеер – кандъ алдън' шэй'ър 'поступать исподтишка, строить козни против кого-л.' [Мокша. 2001. № 4]: [*с'эмбъ азъз'/штъ араласаз' пр'эц'идат'ъл'т'а с'т'эпан пэтрович бухгалт'ърс'/кандъ алдън' шэй'ър//*] (с. Пшенево). «Все решили защитить председателя, а Степан Петрович, бухгалтер, поступает исподтишка (букв.: из-под пола мышь)»;

вача вьргасне содасазь – вачъ вьр'гасн'ъ содасаз' 'никто не знает': [*мър'кс'т' вэл'ъзънк лавка кармай'т' стройама//вача вьр'гасн'ъ содасаз'//*] (с. Адашево). «Говорят, в нашем селе магазин будут строить. Никто не знает (букв.: голодные волки знают)»;

колай ката – колай катъ 'строить козни против кого-л. втихую' [Мокша. 2001. № 4]: [*вас'а́ ц'орас' аф кор'тай с'эмбън' ин'ъл'д'ъ/а сон'ц' колай ката/тагъ вона сон' ин'съндзъ кол'ят' т'эр'дъз' оц'ун'ят' къбин'эц'//*] (с. Пшенево). «Василий парень при всех не говорит, а сам втихую (букв.: воришка кот) строит козни, опять вот из-за него Николая вызвали в кабинет директора».

Исследование мокшанской диалектной фразеологии в лексико-семантическом аспекте позволяет заключить: диалектная фразеология мордвы-мокши разнообразна, характеризуется наличием семантических особенностей. Знание мокшанской диалектной фразеологии позволяет проникнуть во внутренний мир человека, его образ жизни, основные культурные, нравственные ценности, главные особенности национального характера.

Говоры Республики Мордовия

Село Адашево Кадошкинского района;
село Алькино Ковылкинского района;
село Зайцево Краснослободского района;
село Мамалаево Ковылкинского района;
село Пшенево Ковылкинского района;
село Промзино Zubovo-Полянского района;
село Старый Кулдым Старошайговского района.

Поступила 23.10.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК BIBLIOGRAPHY

1. *Акимова, Э. Н.* Электронный словарь диалектных фразеологизмов / Э. Н. Акимова, В. Л. Акимов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 6 (2). – С. 29–32.
2. *Белякова, С. М.* Образ времени в диалектной картине мира (На материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области) : дис. ... канд. филол. наук / С. М. Белякова. – Екатеринбург, 2005.
3. *Захаров, Б. Ф.* О финно-угорских вкраплениях в структуре диалектных фразеологизмов (на материале говоров Починковского района Нижегородской области) // Взаимодействие и взаимовлияние языков и литератур народов Поволжья и Приуралья : материалы межрегион. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения акад. Пауля Аристе. – Саранск, 2006. – С. 110–114.
4. *Краева, В. Ю.* Особенности диалектной фразеологии Алтая (на примере семантического поля «трудовая и хозяйственная деятельность») // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2007. – № 32, т. 11. – С. 115.
5. *Кулакова, Н. А.* Частотность употребления глагольных фразеологических единиц в мокшанском языке // Вестник Мордовского университета. Сер.: Финно-угроведение. Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 64–66.
6. *Кулакова, Н. А.* Мокшень кялень кевонзаф валсюлмонь валкс / Н. А. Кулакова, В. Ф. Рогожина. – Саранск : Издательство Мордовского университета, 2013. – 200 с.
7. *Ларин, Б. А.* Очерки по фразеологии // История русского языка и общее языкознание. – Москва, 1977. – С. 125–149.
8. *Ширманкина, Р. С.* Фразеология мордовских языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Р. С. Ширманкина. – Саранск, 1969. – 14 с.
9. *Щерба, Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Москва : Наука, 1974. – 428 с.
1. *Akimova, E. N., Akimov, V. L.* (2013), Electronic dictionary of dialect phraseology, Newsletter of Lobachevskii Nizhny Novgorod University, № 6 (2), p. 29–32.
2. *Belyakov, S. M.* (2005), Image in time in dialectal picture of the world (on a material of vocabulary and phraseology of dialects of old-timers dialects of the south of the Tyumen region, Dissertation (Candidate Sc. {Philosophy}), Ekaterinburg.
3. *Zakharov, B. F.* (2006), Finno-Ugric borrowings in the structure of dialect phraseological units (based on the dialects of Pochinky district of Nizhny Novgorod region), Interaction and mutual influence of languages and literatures of the peoples of the Volga and Ural regions, Proceedings of Regional Conference for the 100th anniversary of academician Paul Ariste, Saransk, p. 110–114.
4. *Kraeva, V. Y.* (2007), Features of dialect phraseology of Altai (on the example of the semantic field of “labor and economic activity”), Proceedings of the Russian State A. I. Herzen Pedagogical University, № 32, Vol. 11, p. 115.
5. *Kulakova, N. A.* (2011), Frequency of use of verbal phraseological units in Moksha, Bulletin of the University of Mordovia, Series “The Finno-Ugric studies. Philology”, № 1, p. 64–66.
6. *Kulakova, N. A., Rogozhina, V. F.* (2013), Moksha kyalen kevonzaf valsylmon vaks, Saransk: Mordovia University Press.
7. *Larin, B. A.* (1977), Essays on phraseology, History of the Russian language and general linguistics, Moscow, p. 125–149.
8. *Shirmankina, R. S.* (1969), Phraseology of the Mordovian languages, Research Proposal for Dissertation (Candidate Sc. {Philology}), Saransk.
9. *Szczerba, L. V.* (1974), Language system and speech activity, Moscow: Nauka.